

Н. Сагарда

**Первое соборное послание
святаго Апостола и
Евагелиста Иоанна
Богослова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Н11

Н11 **Н. Сагарда**
Первое соборное послание святого Апостола и Евагелиста Иоанна Богослова
/ Н. Сагарда – М.: Книга по Требованию, 2022. – 668 с.

ISBN 978-5-517-90816-2

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1903 года

ISBN 978-5-517-90816-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

образомъ. Посему у одного изъ Апостоловъ получила преимущественное развитіе одна сторона христіанской истины, у другого — иная, при разныхъ отѣнкахъ и особенной послѣдовательности и связи въ подробностяхъ раскрытія. Въ этомъ обстоятельствѣ получаютъ основаніе и законное оправданіе опыты изложенія въ систематической формѣ богословскаго содержанія отдѣльно писаній свв. Апостоловъ Петра, Іакова, Павла и Іоанна какъ по частнымъ вопросамъ христіанской догматики и этики, такъ и во всемъ объемѣ христіанскаго богословія. Этимъ нисколько не возобновляются споры, бывшіе въ Коринѣской церкви, гдѣ одинъ говорилъ: „я—Павловъ“, другой: „я—Аполлосовъ“, третій: „я—Кифипъ“... (1 Кор. I, 12), ибо при этомъ остается непоколебимымъ то положеніе, что всѣ Апостолы говорятъ просвѣщаемые однимъ и тѣмъ же Духомъ, возвѣщаютъ одно и то же слово нашего Господа. Даже болѣе того: въ изученіи этого слова въ его разнообразныхъ изложеніяхъ заключается надежный путь къ познанію божественной истины въ ея полнотѣ и цѣлостности, такъ какъ такимъ образомъ получается возможность опредѣлить сущность и предѣлы единства, такъ называемыхъ, типовъ новозавѣтнаго ученія. Это существенное единство въ апостольскомъ ученіи не можетъ быть ясно опредѣлено безъ предварительнаго тщательнаго изученія каждаго свящ. писателя въ его писаніяхъ.

Въ ряду источниковъ для освѣщенія христіанской истины съ той ея стороны, по которой она представлена „Богословомъ“ Христовой Церкви, св. Апостоломъ Іоанномъ, главное мѣсто занимаетъ первое соборное посланіе его (въ связи съ двумя меньшими посланіями, прологомъ Евангелія и отдѣльными замѣчаніями, разсѣянными въ послѣднемъ), такъ какъ въ немъ отъ начала до конца мы читаемъ непосредственное выраженіе христіанскаго ученія самого Апостола; посему оно именно стоитъ въ преимущественной внутренней связи и зависимости отъ характера личности великаго Апостола. Отсюда вытекаетъ естественная необходимость отмѣтить характеристическія черты Апостола Іоанна, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію его перваго соборнаго посланія.*)

*) Ср. проф. *М. Д. Муретова*, Подлинность бесѣдъ и рѣчей Господа въ четвертомъ Евангеліи (Критико-исагогическій очеркъ)—въ «Правосл. Обзорѣн.» 1881 г., сент. и окт.; *Евдокима* іером., Св. Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Его жизнь и благовѣстническіе труды. Опытъ библейско-историческаго изслѣдованія. Сергіевъ Посадъ 1898.

Особенности личности Апостола Иоанна ускользаютъ отъ точнаго опредѣленія; онѣ чувствуются всякимъ внимательнымъ читателемъ его писаній, но требуются большія усилія, чтобы вывести изъ нихъ заключеніе о законахъ и способахъ письменнаго изображенія имъ христіанской истины. Не рѣдко представляютъ Апостола Иоанна въ видѣ кроткаго и спокойнаго юноши, неземной красоты, съ чертами почти женственной нѣжности, съ печатью полнаго спокойствія на челѣ и мечтательнымъ взоромъ. Несомнѣнно, что такое представленіе объ Апостолѣ Иоаннѣ имѣетъ свое видимое основаніе въ одной изъ отличительныхъ чертъ его ученія, именно въ ученіи о любви, за которое онъ получилъ наименованіе „Апостола любви“. И дѣйствительно, любовію дышатъ все его писанія: онъ говоритъ, что Богъ въ своемъ существѣ есть любовь (1 Ин. IV, 8); онъ останавливается преимущественно на проявленіяхъ неизреченной любви своего божественнаго Учителя, и постоянныя увѣщанія его къ ученикамъ имѣютъ конечною цѣлю—внушить имъ взаимную любовь; любовь же золотою нитью проходитъ чрезъ всю жизнь Апостола. Возлежа на персяхъ Сына Человѣческаго, онъ напитался тою любовію, откровеніемъ и воплощеніемъ которой былъ божественный Посланникъ. Но здѣсь же обнаруживается неправильное пониманіе ученія Апостола Иоанна о любви и вообще одностороннее представленіе всей его личности. Многіе не постигли всей глубины его любви и приняли ее за простое сантиментальное чувство. На самомъ дѣлѣ въ Апостолѣ Иоаннѣ удивительнымъ образомъ сочетались совершенно противоположныя качества—спокойствіе и глубина созерцанія съ горячею ревностію, нѣжная и безграничная любовь съ пылкостью, даже нѣкоторою рѣзкостью. Галилеянинъ по плоти, онъ и по духу былъ сыномъ той беспокойной и суровой части населенія Палестины. Изъ краткихъ указаній Евангелистовъ видно, что онъ обладалъ въ высшей степени пылкою и увлекающеюся натурой; сердечные порывы иногда доходили до такой бурной страстности, что Иисусъ Христосъ вынужденъ былъ умѣрять ихъ, какъ несогласныя съ духомъ новаго ученія (Мрк. IX, 38—40; Лк. 49—50. 54—56). Но съ другой стороны, во всемъ своемъ поведеніи онъ обнаруживаетъ замѣчательную скромность. Не смотря на свое особенное положеніе среди Апостоловъ, какъ ученика, его же любящаго Иисуса, Иоаннъ ни во время земной жизни Спасителя не выдѣляется замѣтнымъ образомъ изъ ряда другихъ учениковъ, ни

послѣ вознесенія Его не выступаетъ въ качествѣ виднаго дѣятеля въ первохристіанскомъ обществѣ. Принимая во вниманіе эти черты въ характерѣ Апостола, мы должны признать въ немъ одну изъ тѣхъ натуръ, которыя живутъ болѣе внутреннею и созерцательною, чѣмъ практически дѣятельною жизнію, которыя, при всей полнотѣ своей внутренней духовной жизни, рѣдко проявляютъ вовнѣ скрывающуюся внутри ихъ могучую силу духа. Но наступаютъ моменты, когда у такихъ людей чувство прорывается въ неожиданной вспышкѣ, которая поражаетъ всѣхъ окружающихъ ихъ. Если такъ, то можно ли лучше очертить характеръ этихъ людей, какъ наименованіемъ *βραχυρρέας*, даннымъ Іисусомъ Христомъ сыновьямъ Зеведея (Мрк. III, 17)? Это наименованіе выражаетъ характеристическую особенность братьевъ: бурность, естественную горячность и огненную ревность въ защитѣ и проведеніи того, что они признали за истину. Какъ электричество медленно скопляется въ облакахъ, пока внезапно не разразится въ блескѣ молніи и ударѣ грома, такъ и въ пламенно любящихъ Іисуса братьяхъ медленно собираются впечатлѣнія до того момента, когда, подѣйствіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, они съ силою вырываются наружу (ср. Лк. IX, 54). Юношеская страстность и порывистость иногда проявлялись и въ Іоаннѣ старцѣ. Достаточно вспомнить фактъ встрѣчи Апостола Іоанна съ еретикомъ Кириноомъ въ общественной Ефесской банѣ. Лучше всего характеръ Апостола Іоанна обрисовывается по сравненію съ Апостоломъ Петромъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ часто упоминается въ Евангеліяхъ и Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Различіе ихъ характеровъ негляднымъ образомъ сказывается въ томъ, что Апостоль Петръ всегда идетъ впереди, Іоаннъ слѣдуетъ за нимъ (Ін. XXI, 20); Апостоль Іоаннъ возбуждаетъ, Петръ дѣйствуетъ по возбужденію: Іоаннъ первый узнаетъ Господа и говоритъ объ этомъ Петру, — Петръ стремительно бросается въ воду, чтобы скорѣе приблизиться къ Господу (XXI, 7). Оба они въ одинаковой степени любятъ Господа, но выражаютъ свою любовь различнымъ образомъ: Петръ обнажаетъ мечъ для защиты своего Учителя; Іоаннъ молчаливо присутствуетъ при крестныхъ страданіяхъ и смерти Его и выслушиваетъ изъ устъ Умиравшаго послѣднюю волю Его, какъ Сына человѣческаго. Онъ спокойно принимаетъ вѣсть о воскресеніи Господа и безусловно вѣритъ въ это величайшее чудо тогда, когда Петръ и другіе колеблются и недоумѣваютъ (Лк. XXIV,

12; Ин. XX, 8). Вообще Апостолъ Петръ—патура живая, подвижная; подъ вліяніемъ впечатлѣній извнѣ онъ быстро рѣшается на дѣйствіе и немедленно приводитъ въ исполненіе; онъ мгновенно и весь воспламеняется и готовъ на всякій подвигъ, на всякое самопожертвованіе. Но его сфера—именно внѣшняя дѣятельность. Къ самозаклученности, къ продолжительной внутренней работѣ Апостолъ Петръ мало склоненъ,—она не удовлетворяетъ его. Совершенною противоположностію ему является Апостолъ Іоаннъ. Отличительными чертами его характера можно назвать наблюдательность и воспримчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ вмѣстѣ съ тихимъ, но глубокимъ чувствомъ. Получаемая отъ внѣшнихъ впечатлѣній рѣдко обнаруживаются имъ въ словѣ или въ дѣйствіи, но за то тѣмъ сильнѣе и глубже проникаютъ во внутреннюю духовную жизнь Апостола; не отвлекаемый внѣшнею дѣятельностію, всегда погруженный въ свой собственный духовный міръ и въ тоже время чуткій къ впечатлѣніямъ, которыя близко касаются его, онъ въ глубинѣ души перерабатываетъ ихъ и дѣлаетъ ихъ своимъ прочнымъ достоинствомъ. Апостолъ Іоаннъ наблюдаетъ каждое слово, подмѣчаетъ едва замѣтное, обращаетъ вниманіе на ничтожное, повидимому, и всему даетъ смыслъ и значеніе. Сдѣлавшись ученикомъ Господа, онъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ внемлетъ вдохновеннымъ рѣчамъ своего Учителя, твердо запоминаетъ ихъ и глубоко анализируетъ; онъ замѣчаетъ каждое движеніе Его и въ чистѣйшей любви какъ бы весь погружается въ созерцаніе Іисуса и въ Немъ славы Единороднаго отъ Отца, исполненнаго благодати и истины. Ни одна черта изъ Его жизни не ускользнула отъ Апостола Іоанна, ни одно событіе ея не прошло, не оставивъ глубокаго слѣда въ его памяти, такъ что если бы онъ сталъ подробно сообщать о томъ, *яже сотвори Іисусъ*, то міръ не вмѣстилъ бы всѣхъ написанныхъ книгъ (Ин. XXI, 25). Но онъ не былъ холоднымъ наблюдателемъ, который только старается схватить цѣльный образъ личности: Апостолъ Іоаннъ ходилъ за Учителемъ, какъ истинный израильтянинъ, который именно потому привлеченъ имъ, что предчувствуетъ въ Его лицѣ откровеніе той тайны, жаждою которой проникнуто все его существо и которая все болѣе и болѣе открывается его умственному взору. Для всего, что Іоаннъ наблюдалъ въ Іисусѣ, онъ требовалъ и искалъ достаточнаго объясненія въ Его существѣ и словахъ. Поэтому-то въ душѣ и воспомина-

наніяхъ этого Апостола нѣлыя глубокія бесѣды и съ Его врагами и друзьями до мельчайшихъ подробностей сохранились ясно и отчетливо, какъ показываетъ его Евангеліе. Высота и величіе Христа, какъ они представляются въ четвертомъ Евангеліи, не остались, конечно, сокрытыми и отъ другихъ Апостоловъ, но только Апостоль Іоаннъ отчетливо воспроизводитъ ихъ. Другіе Апостолы сохранили изъ дѣлъ и рѣчей Спасителя преимущественно то, что производило сильное впечатлѣніе на внѣшнее чувство, что особенно поражало зрѣніе или же вообще отличалось торжественностію: нагорная проповѣдь предъ громадною массою народа съ высоты Галилейской горы глубоко напечатлѣлась въ памяти синоптиковъ; но скромный по своей внѣшней обстановкѣ разговоръ Христа съ самарянкою у колодца, во время утомительнаго пути, остался не отмѣченъ ими. Только Іоаннъ со всею внимательностію прислушивался къ подобнымъ бесѣдамъ Христа и только онъ постигалъ изъ нихъ не менѣе, какъ и изъ торжественныхъ рѣчей, все величіе и славу своего Учителя.

Но, будучи въ высшей степени наблюдательнымъ и воспримчивымъ ко всему окружающему, Апостоль Іоаннъ былъ болѣе обращенъ къ идеалу, чѣмъ къ внѣшнему міру. Весь богатый запасъ наблюденія не вызываетъ его на кипучую практическую дѣятельность; онъ болѣе склоненъ и способенъ погружаться въ предметъ познанія и сливать съ нимъ свое я, чѣмъ съ энергіей воздѣйствовать на него. Здѣсь открывается мѣсто для сравненія Апостола Іоанна и съ Апостоломъ Павломъ. Одинъ—смѣлый, дѣятельный, энергичный, всегда готовый вступить въ борьбу; другой болѣе склоненъ къ уединенной, созерцательной жизни, болѣе готовъ слѣдовать за кѣмъ либо, чѣмъ идти впереди. Одинъ—христіанскій миссіонеръ, неутомимъ въ распространеніи Евангелія и обращеніи грѣшниковъ; другой христіанскій пастырь, назначающій вѣрующихъ и утверждающій ихъ въ истинномъ исповѣданіи вѣры. Въ этой отличительной особенностях характера и дѣятельности Апостола Іоанна, быть можетъ, находитъ свое объясненіе и то обстоятельство, что о миссіонерской дѣятельности его сохранилось мало точныхъ извѣстій. Его призваніемъ было не полагать основаніе церквамъ, а возводить и довершать начатое зданіе, укрѣплять его и охранять отъ различныхъ тлетворныхъ вліяній. Поэтому и дѣятельность его развивается съ особенною силой въ позднѣйшее время Апостольскаго періода; хотя

нельзя, конечно, думать, что въ раннѣйшее время онъ не раздѣлялъ съ прочими Апостолами ихъ миссіонерскихъ трудовъ (ср. Дп. III, I; IV, 19; V, 29; VIII, 14); только виѣшняя дѣятельность его въ то время дѣйствительно такъ мало выдавалась, что Иродъ Агриппа I, при своемъ преслѣдованіи іерусалимской церкви, схватилъ не его, но брата его Іакова и Петра и убилъ перваго (Дп. XII, 2). Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Апостола Павла, онъ былъ однимъ изъ признанныхъ столповъ Церкви: настолько всѣми чувствовалась внутренняя сила его, по-видимому, незамѣтной дѣятельности.

Апостолъ Іоаннъ обладалъ тѣмъ, что называется полнотою и цѣлостностію личности. Онъ не понимаетъ раздвоенія, потому что самъ не испыталъ его; по его убѣжденію, гдѣ нѣтъ полной преданности, тамъ нѣтъ ничего. Люди съ такимъ характеромъ, разъ избравъ извѣстный путь, уже не отклоняются отъ него, не колеблются въ ту или другую сторону, а идутъ прямо до самаго конца, куда-бы эта дорога ни вела: тотъ или другой конецъ, но непременно конецъ,—средины нѣтъ для нихъ. Вездѣ и во всемъ у нихъ полнота, безраздѣльность и всецѣлая послѣдовательность. И Апостолъ Іоаннъ, если отдавался чему либо, то отдавался всецѣло и беззавѣтно: по его воззрѣнію, можно принадлежать или Христу или діаволу,—средняго, неопредѣленного состоянія не можетъ быть. Поэтому, когда онъ увидѣлъ въ своемъ Учителѣ осуществленіе идеала, стремленіемъ къ которому жила его душа, онъ отдался Ему съ совершенно безраздѣльною любовію, наряду съ которою немислимо ничто, что принадлежитъ къ области князя міра сего, исконнаго врага чловѣка, врага истины и родоначальника лжи; врагъ Христа и въ Апостолѣ Іоаннѣ не можетъ возбудить иного чувства, кромѣ ненависти. Эта ненависть есть отрицательное выраженіе любви: чѣмъ сильнѣе онъ любитъ Христа, тѣмъ сильнѣе ненавидитъ антихриста; чѣмъ больше онъ любитъ истину, тѣмъ больше ненавидитъ ложь,—свѣтъ исключаетъ тьму. Такимъ образомъ, противорѣчащія, по-видимому, другъ другу черты—внутренній огонь любви и поражающій гнѣвъ, кротость и пылкая ревность—легко примиряются между собою: въ обоихъ случаяхъ проявляется одна и та же сила духа, только по противоположнымъ направленіямъ—одинъ разъ положительнымъ образомъ, будучи привлекаема божественнымъ, а въ другой разъ отрицательнымъ, отвращаясь отъ безбожнаго и проти-

VIII

вохристіанскаго; это подобно тому, какъ одно и то же солнце освѣщаетъ и согрѣваетъ живое и содѣйствуетъ тлѣнію мертваго. Посему любовь, направленная въ одну сторону, и ненависть, направленная въ другую, оказываются взаимно-восполняющими другъ друга. Апостолъ Іоаннъ въ одно и тоже время является и „Апостоломъ любви“ и „сыномъ грома“.

Пламенная любовь Апостола Іоанна къ Господу не была чувствомъ преходящимъ, неустойчивымъ,—она сдѣлалась постоянною потребностію его сердца, душою его жизни, самою жизнію; она дала истинную цѣль его стремленію къ созерцательному мышленію и окрылила его духъ къ высокому паренію. Эта любовь сдѣлала его способнымъ глубоко смотрѣть въ сердце и существо своего божественнаго Наставника; прикинувъ къ Его груди, онъ любящимъ сердцемъ постигъ Его, какъ едиnorodнаго Сына Божія, предвѣчное Слово, и изъ неисчерпаемаго источника вѣдѣнія Сущаго въ лонѣ Отца изнесилъ богатство своего богословствованія. Эта особенная любовь освятила, очистила, возвысила природу Іоанна; отселѣ сфера его, въ которой онъ живетъ и вращается, больше небо, чѣмъ земля. И когда окончились дни земной жизни возлюбленнаго Учителя, и Онъ вознесся на небо, то съ Нимъ всѣми мыслями и чувствами вознесся и Апостолъ Іоаннъ; вся послѣдующая жизнь его была только жизнію со Христомъ и во Христѣ. Въ силу этого образъ Христа всегда стоитъ живой предъ Его глазами (1 Ін. II, 5; III, 3, 6). Лице и жизнь Іисуса Христа, какъ воплотившагося Бога Слова, составляютъ сердце, корень и источникъ религиозныхъ идей Іоанна. Христосъ для него все—центръ и основа всего духовнаго существа его. Божественное достоинство Іисуса Христа для него есть единая абсолютная истина, и отрицающій ее есть врагъ всякой истины, лжецъ (1 Ін. II, 22), врагъ Христа, антихристъ (1 Ін. IV, 3; ср. 2 Ін. 7), съ которымъ онъ не хочетъ имѣть никакого общенія и предостерегаетъ отъ него и всѣхъ вѣрующихъ. Поэтому Іоанну именемъ определено было выразить послѣднее слово божественнаго откровенія, вводящаго въ сокровеннѣйшія тайны внутренней божественной жизни, довѣдомая только вѣчному слову Божію, едиnorodному Сыну, и утвердить противъ еретиковъ основной догматъ христіанства—воплощеніе Сына Божія для дарованія міру вѣчной жизни. Вслѣдствіе тѣснѣйшаго общенія съ самою воплощенною Премудростію, этотъ вожь христіанскихъ философовъ, этотъ бо-

гословъ въ самомъ точномъ смыслѣ слова сдѣлался истиннымъ посетелемъ и представителемъ боговдохновеннаго вѣдѣнія среди опасностей, угрожающихъ отъ распространяющагося и усиливающагося еретическаго гностицизма. Церковная символика изображаетъ Апостола Іоанна съ орломъ, который отважно и съ торжествомъ паритъ въ высшихъ областяхъ, и гениальный Рафаэль поэтому представилъ его покоющимся на крыльяхъ орла и смѣло взирающимъ на высоты небесъ. Этимъ символомъ Церковь хочетъ образно представить острый, пронизательный взглядъ, не ослѣпляемый свѣтомъ Солнца Правды, пророческую дальновидность; смѣлый полетъ и неотразимую силу духа Апостола Іоанна.

Сказаннаго, думаемъ, вполне достаточно, чтобы видѣть, что въ естественныхъ свойствахъ духа Апостола Іоанна были всѣ задатки къ тому, чтобы, подъ въздѣйствіемъ благодати, онъ сдѣлался вѣрнѣйшимъ образомъ самого Господа, провозвѣстникомъ великихъ тайнъ жизни Божества и непоколебимымъ защитникомъ истины, достойнымъ преимущественной личной любви Сына Человѣческаго.

Указанными естественными особенностями Апостола Іоанна обусловливаются и объясняются свойства раскрытія и изложенія имъ христіанскаго ученія, о которыхъ считаемъ необходимымъ сказать, хотя кратко, въ этой связи. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе методъ изложенія, который у Апостола Іоанна не диалектически дедуктивный, но индуктивный или, лучше сказать, интуитивный: послѣдовательность мыслей у него устанавливается не та, какая должна быть съ точки зрѣнія обычнаго человѣческаго мышленія, но какая существуетъ въ небесной дѣйствительности, созерцаемой Апостоломъ. Истина какъ-бы сіяетъ въ его умѣ; онъ чувствуетъ и сердцемъ постигаетъ ее. Чтобы получить выводъ, онъ не нуждается въ длинной цѣпи логическихъ построений: онъ созерцаетъ вѣчную истину и, какъ видитъ, такъ и сообщаетъ своимъ возлюбленнымъ чадамъ. Онъ просто утверждаетъ или отрицаетъ и всегда говоритъ съ абсолютною точностію, съ авторитетомъ, исключаяющимъ всякія сомнѣнія въ истинности того, что онъ говоритъ; онъ какъ будто всегда слышитъ голосъ Господа, открывающаго ему то, что Самъ Онъ слышитъ отъ Отца. Отсюда богословіе Апостола Іоанна имѣетъ свой корень не въ разсудочной работѣ, но въ непосредственномъ созерцаніи, въ чувствѣ, во внутреннемъ опытѣ и есть богословіе сердца. Посему

въ посланіи онъ неоднократно обращается къ внутреннему опыту своихъ читателей и въ немъ ищетъ опоры для признанія неизблемой истинности сообщаемого имъ. Особенно важная черта богословствованія Апостола Іоанна заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ вещи въ ихъ внутреннемъ существѣ, по сравненію съ которымъ ви́шнія явленія, съ измѣнчивымъ разнообразіемъ, теряютъ свое значеніе, какъ случайныя и несущественныя. Въ этой особенности воззрѣній Апостола Іоанна лежитъ ключъ къ уразумѣнію весьма многого и существеннаго въ изложеніи имъ христіанскаго ученія.

Прежде всего этимъ объясняется, почему Апостоль всюду видитъ только рѣшительныя противоположности Бога и діавола, свѣта и тьмы, истины и лжи, жизни и смерти, любви и ненависти, возводя все явленія къ ихъ послѣднему принципу. Въ каждомъ данномъ случаѣ Апостоль говоритъ о томъ, что составляетъ глубочайшее основаніе вещи, не обращая вниманія на многочисленные исключенія и уклоненія, какія встрѣчаются въ наличной дѣйствительности, и часто выдвигаетъ извѣстную сторону предмета съ тою исключительностію, при которой выдвинуть другую сторону значило-бы впасть, повидимому, въ рѣзкое самопротиворѣчіе. Поэтому-же онъ не отмѣчаетъ различія ступеней въ развитіи и на каждой изъ нихъ смотритъ только на выражаемую ею сущность предмета: истинна есть истина, будь это несовершенная ветхозавѣтная, или совершенная новозавѣтная; вѣра есть вѣра, познаніе есть познаніе—отъ ихъ зародышныхъ начатковъ до высочайшаго совершенства. Эта черта, которую можно назвать идеализмомъ въ ученіи Апостола Іоанна, такъ какъ въ конкретной дѣйствительности онъ созерцаетъ только осуществляемую въ ней идею, отразилась и на ученіи Апостола о спасеніи: онъ не анализируетъ усвоенія спасенія каждымъ отдѣльнымъ членомъ, не останавливается на борьбѣ ветхаго и новаго человѣка, словомъ, говоритъ объ основѣ спасенія, объ его объективной сторонѣ, насколько все это дано во Христѣ. Онъ разсматриваетъ спасеніе, какъ совершенную побѣду свѣта надъ тьмою: кто рожденъ отъ Бога, тотъ побѣдилъ міръ, ходитъ во свѣтѣ, перешелъ отъ смерти къ жизни и имѣетъ жизнь вѣчную. Поэтому-то у него и не встрѣчаются термины, обозначающіе переходные моменты отъ жизни грѣховной къ жизни во Христѣ,—каковы: призваніе, оправданіе, обращеніе, освященіе. Апостоль Іоаннъ говоритъ о всецѣлой пре-

данности Христу, о полнотѣ жизни въ немъ. Отсюда и грѣхъ разсматривается имъ не какъ слабость и поврежденность человеческой природы, а какъ зло, какъ начало, совершенно противоположное добру.

Усматривая во всемъ осуществленіе высшей идеальной дѣйствительности, Апостоль Іоаннъ не допускаетъ никакой противоположности между теоретическимъ и практическимъ, знаніемъ и дѣломъ, вѣрою и жизнью. Онъ всегда видитъ предъ собою образъ Божественнаго Учителя, у котораго слово и дѣло не составляютъ двухъ различныхъ областей; отсюда у него теорія и практика не раздѣляются, но заключаются одна въ другой и вмѣстѣ составляютъ дивное цѣлое, „хождение“ какъ „ходиль“ Христосъ. Посему всякое дѣйствіе человѣка включаетъ его всецѣлую личность. Этимъ опредѣляется и воззрѣніе Апостола Іоанна на сущность познанія вообще и религіознаго въ особенности: что не обнимаетъ всей духовной жизни, не дѣйствуетъ на нее опредѣляющимъ образомъ, то и не познано; ибо познаніе есть такое именно постиженіе предмета, которое включаетъ въ себя не только проникновеніе познающаго въ самое существо познаваемого, но и наоборотъ—проникновеніе предмета познанія во внутреннѣйшее существо познающаго. Одно интеллектуальное обладаніе истиною не имѣетъ никакой силы и значенія. И въ области религіознаго познанія между познающимъ и познаваемымъ должно быть духовное внутреннее сродство, полное, ничѣмъ не задерживаемое общеніе, совершеннымъ выраженіемъ котораго является любовь. Поэтому основаніе, предметъ и цѣль всякаго познанія, какъ полнаго и животворнаго, Апостоль Іоаннъ полагаетъ въ любви; она есть и результатъ и движущій нервъ всѣхъ его созерцаній.

Съ точки зрѣнія того же идеализма Апостоль Іоаннъ уничтожаетъ границы между настоящимъ и будущимъ. Наблюдая настоящее, временное, онъ не останавливается на немъ, а переноситъ свой взоръ къ обоимъ концамъ этого временнаго— къ вѣчному въ прошедшемъ и къ вѣчному въ будущемъ и съ точки зрѣнія этого вѣчнаго одѣнываетъ всѣ вещи и явленія. Отсюда и святость христіанъ онъ представляетъ какъ-бы совершенною на землѣ и торжественно провозглашаетъ положеніе, что *всякъ рожденный отъ Бога не согрѣшаетъ* (1 Іп. V, 18, ср. III, 9). По его воззрѣнію, индивидуальная жизнь христіанина, по самой